

Кенотафия, или Необычное путешествие по России (повесть)

«Челябинские депутаты предложили коллегам по Госдуме принять закон, запрещающий ставить памятники погибшим у дороги. Это предложение вызвало дискуссию. Большинство депутатов с ним не согласны. Некоторые же готовы его поддержать.

Свое решение поддерживающие закон мотивируют тем, что ехать в связи с большим количеством памятников на дорогах очень грустно» (из *Интернет-новостей*).

Глава 1. Цветок на обочине

Очередная машина проехала мимо. Вместе с ней пролетел совсем рядом холодный ветер, и едва заметные брызги с еще не высохшего асфальта покрыли руки и лицо Леньки. Тот чертыхнулся и, глянув еще раз в обе стороны, перешел дорогу. Лево́й рукой он страховал болтающийся на шее старый «Пентакс», правой пытался нащупать ключ от автомобиля: точно ли он положил его в задний карман брюк?

Публикуется впервые.

Несмотря на то, что Большаков высмеивал эту его привычку всякий раз брать ключи от зажигания с собой, Ленька упорно следовал установившемуся правилу.

«Научишься за баранкой сидеть – будешь тогда указывать!» – таков был ответ настырному советчику. По внутреннему убеждению Филимонова, его друг не умел толком даже фотографировать; впрочем в редкие минуты смирения Сашкины фотки также иногда попадали в папку грандиозных размеров с изысканным названием «Сойдет!».

На обочине уже успели выскочить редкие желтоголовые одуванчики, хотя травы еще почти не было. Послышалось хлопанье автомобильной двери.

– Да не стучи ты дверью-то так! – крикнул Ленька в сторону друга, но его звуковые усилия потонули в ветре, поднятом проехавшей фурой. Через минуту они вместе стояли возле очередного придорожного памятника с взведенными наготове объективами.

– Общий план снял? – спросил Большаков, рассматривая пространство за памятником: иногда там попадались конфеты, печенье и другая поминальная снедь.

– Да снял-снял! Все пропитанье себе ищешь, убогонький, ведь обедали уже! – произнес Ленька, пытаясь смягчить серьезность момента, и посмотрел на друга. Тот даже не улыбнулся.

– С ребенком погибли! – Сашка кивнул в сторону фотографии, прикрученной к зеленой трапециевидной стеле, и сделал еще несколько снимков. – Трое здесь. 30 января 2007 года. Зимой, значит, разбились.

– Угу, – отозвался Филимонов и, нахмуренный, направился к машине...

– Как, ты говоришь, по-научному-то они? – спрашивал Ленька уже в пятый или шестой раз, пока их автомобиль с включенными аварийными сигналами медленно продвигался вперед.

– Да это не по-научному. Просто термин – ке-но-тафы. «Пустые могилы» – с греческого, – отвечал Саша, просматривая на цифровике последние кадры. Снято было уже порядочно: на его фотоаппарате количество снимков перевалило за пятьсот.

– Да это ясно, что пустые. Кто ж вдоль дороги трупы-то будет закапывать. Что они нехристи, что ль? – Ленька закурил.

Звонок с «геморройной идеей» – у Большакова, по мнению его друга, все идеи носили характер немного шепутной – раздался на мобильник Филимонова накануне вечером в пятницу.

– Куда? До Кирова? И что я там забыл? – пружины старого дивана

заскрипели под нелегким тридцатитрехлетним телом «Леонида Аркадьевича» (жена в шутку называла его «Якубовичем», но тот этого не любил и не ценил).

Секунд сорок он терпеливо слушал занудную лекцию о каких-то кенотафах, но главный интерес проявил к словам «солидный заказчик».

- И кому нужна эта фигня? – недоверчиво переспросил он. Саша ответил уклончиво, но пояснил, что в ближайшее время собираются закон принять – на уровне Госдумы: в общем, вроде как все обочины от этих кенотафов очистят.

- Вот мать их женщина, – выругался Ленька. – Чем им помешали-то эти памятники? Ну, ладно. Почем хоть обещает-то этот твой солидный заказчик? И это за две недели упорного труда? Смешно!

В общем, договорились. Аркадьич подкатил на своей «девятке» к Сашкиному подъезду в семь утра. Грузеный автомобиль едва не задевал днищем асфальт.

- Куда ты столько набрал? – Большаков насилу разместил свои сумки на заднем сиденье, так как багажник был полностью забит.

- Пригодится! – сипел Ленька, по-своему располагая вещи друга. – Десять дней в пути – это тебе не шутка. Там и палатка, и уголь, и шампура.

Через полчаса скучная городская дорога осталась позади, и друзья начали «охоту» на кенотафы. Первые несколько памятников были отшелканы как-то по инерции: зеленая, потертая «пирамидка» – без всяких опознавательных знаков. Затем веночек и небольшой металлический крест с краткой надписью: «Помним. Любим. Скорбим». Третий кенотаф представлял собой вырезанную из металла большую чашу-цветок с фотографией маленькой девчушки. Около цветка друзья задержались дольше обыкновенного.

- Кто ж это ее? Пешком, что ли, шла? Или с пьяным папашей колесила? – насупившись, спросил Ленька. Большаков молча фотографировал, затем указал на небольшую мягкую игрушку – нелепого розового слоника, торчащего в центре цветка. Там же были конфеты.

- Недавно, наверное, посещали, – произнес он и немного отошел назад.

- Смотри зацепит – придется и твой кенотаф здесь ставить! – пошутил Ленька, пытаясь перекричать промчавшийся мимо грузовик. Саша кивнул и пошел к стоявшей на противоположной обочине «девятке».

- Координаты надо занести, а то перепутается все в голове. Каждую фотку надо пространственно приурочить – через GPS, – пояснил Большаков на вопросительный взгляд друга. В его руках был небольшой ноутбук с открытой онлайн-картой их перемещений.

- Ну, давай-давай, приурочивай! А я пока колеса подкачаю, – Ленька

полез в багажник, как опытный спелеолог в знакомую до боли пещеру.

Глава 2. Придорожный сервис

Заночевать решили на выезде из Казани. Сняли двухместный номер в придорожной гостинице, который, как заметил растянувшийся на неразобранной кровати Аркадьич, «на редкость паршивый и дорогой».

– Выгоднее квартиру на ночь снимать – я уж так много раз делал, – голос Саши доносился из ванны гулко, как из могилы.

– Да тебе какая разница: все равно платит твой заказчик. Как там его, кстати, величают? – спросил Ленька. Он лениво приподнял левое веко и посмотрел на медленно заполняющееся синим цветом окно копирования Total Commander'a: это освобождались заполненные за день флешки фотоаппаратов. Из ванны послышались невразумительные звуки, передающие, должно быть, имя таинственного инициатора их «кенотафии».

Живой интерес Аркадьича быстро перешел в поверхностный сон, за коим его и застал вышедший из ванны Большаков. Он набросил на друга одеяло и нырнул в свою кровать: завтрашний день обещал быть не из легких, надо набраться сил.

Но, как назло, сколько ни лежал он с закрытыми глазами – сна все не было.

– Они, безусловно, разные, – размышлял он, ворочаясь с боку на бок. – В Татарстане у кенотафов свои особенности – иногда попадаются как бы мини-памятники: маленькая оградка, небольшой крест. Видели много раз и оградки с полумесяцами на столбиках. Кажется, начинается вырисовываться какая-то типология.

Промаявшись еще с полчаса, он сел за компьютер и, открыв Word, стал строчить туда свои сегодняшние наблюдения.

«Нужно фиксировать расстояние от обочины, на котором располагаются памятники. И перечень того, что используется в качестве «маркера ДТП»: колеса, руль, бампера. Все это надо иметь в виду уже сейчас, чтобы не пропустить чего-нибудь важного», – писал он в своем «Отчете (для заказчика)».

В это мгновение раздался пронзительный вой автомобильной сигнализации. Ленька подскочил на кровати и через несколько секунд испарился из номера. Саша был уверен, что с их «девяткой» все в порядке. Однако минута шла за минутой, а Аркадьич все не возвращался. Их номер располагался на втором этаже, но автомобилей из окна видно не было, так как парковка находилась с другой стороны гостиницы.

Саша глянул на сотовый – был второй час ночи. Он уже собрался,

было, выйти на поиски друга, когда наконец распахнулась дверь номера и вошел Филимонов. На его лице была написана вселенская скорбь.

– Что? – встревожился Большаков. Аркадьич, не отвечая, пошел в ванну.

– Да, ну, говори же, чего томишь? – Саша знал, что его друг был склонен к эффектам, но ведь впереди – почти две тысячи километров...

– Колесо, сволочи, прокололи!

– Кто?

– Дед Пихто! Откуда я знаю.

– Так ведь парковка при гостинице – должен же быть там какой-то пригляд! – Большаков расстроился окончательно.

– Должен да не обязан. Да не стремайся, я уж запаску поставил и с администратором гостиницы переговорил – он поклялся, что у них такое в первый раз случилось.

– А может мы по пути прокололи? – засомневался Саша.

– Не-е, там и с зеркалом с правой стороны пытались что-то сделать, – сказал Ленька, перекидывая через плечо полотенце. – Короче, гиблое место. Наверное, хмыри из пригородного села орудуют. Давай спать – пусть гостиница за этим смотрит, их проблемы. В следующий раз точно по квартирам надо ночевать да на нормальную стоянку ставить – так оно надежнее.

Большаков снова забрался в кровать и некоторое время слушал фыркающего в ванне Леньку, видимо, изображавшего довольного жизнью кита. Затем он заснул крепким сном без сновидений.

По утру к ним заглянул администратор – седой мужчина лет пятидесяти пяти в темных широких джинсах и пиджаке, одетом поверх футболки. Очевидно, что он испытывал вину из-за вчерашней неприятности и был весьма любезен.

Саша воспользовался его расположением и начал расспрашивать о здешних кенотафах.

– А-а, тут есть-есть – в сторону Йошкар-Олы если ехать – там полно. Есть даже в виде паруса – какому-то музыканту, что ли, поставили. Такой постамент – как парус, а на нем – клавиши от пианино, – поведал мужчина в джинсах, узнав о том, чем занимаются друзья. Обрадованный Саша уточнил, где располагается «парус» и спустился вниз – к возившемуся с «девяткой» Леньке. Тот с утра был не в духе и ворчал на весь мир. Впрочем, уже через несколько сот метров от гостиницы друзья наткнулись на первый памятник и втянулись в работу.

– Ты вот мне растолкуй, – говорил Ленька, делая очередной снимок. – Вот сказал он тебе – общий план и «памятник спереди-памятник сзади». Всё – три кадра. Что ж ты по двадцать-то фотографий делаешь? И рюмки

даже не обходишь своим вниманием!

Загадочного заказчика их работы Ленька теперь именовал местоимением «он» и находил в этом какое-то странное удовольствие.

Действительно – возле одного из кенотафов, который представлял собой трапезиевидную стелу с прикрученным рулем, фотографией, табличкой с именем-фамилией и датой гибели, стояли две наполненные рюмки.

– О! Еще даже спиртом пахнет – не так давно наливали! – объявил Ленька, поднесший рюмку к носу.

– Поставь, тебе все равно ведь нельзя – за рулем! – улыбнулся Саша и «щелкнул» дурачившегося Леньку на фотоаппарат.

Километров через двадцать им «повезло несказанно», как объявил Большаков, так как они впервые увидели тех, чьи следы регулярно обнаруживали возле многих придорожных памятников. Сначала друзья заметили оставленный на обочине мотоцикл, а затем обнаружили две фигурки возле кенотафа.

– Смотри – это же придорожный памятник чистят-убирают! Родственники, наверно. Обязательно поговорить с ними надо!

Аркадьич в ответ фыркнул и пробормотал что-то. Большаков расслышал только его слова: «Эка невидаль – родственники!» – а затем чуть ли не на ходу выпрыгнул из машины.

– Сумасшедший, блин! – выругался Ленька. – Зачем тебе эти родственники? Ведь *он* тебе только фотки заказал!

Саша через пару минут затеял обстоятельную беседу с посетителями кенотафа.

– Батя это мой! – говорил парнишка, который занимался тем, что расчищал заросли вокруг памятника. – Пять лет назад погиб – вот почти на этом самом месте. Со свадьбы возвращался, он у меня гармонистом...

Парню было лет семнадцать. Он прервал свой ответ на Сашкины расспросы и, засопев носом, отвернулся. Затем стал с удвоенной силой рвать траву.

Саша почувствовал легкий стыд за то, что вызвал невольные слезы. Но, решив, что такой удачи, может, ему больше не улыбнется на протяжении всего оставшегося пути, в двух словах рассказал о своей цели: мол, фотографируем эти памятники, а то в скором времени, возможно, их вообще уберут с обочины.

– Как – уберут? – парнишка вздрогнул. – Это как же? Я ведь приезжаю, ухаживаю...

Оказалось, что его отца схоронили неподалеку от места аварии – на сельском кладбище. Парнишка сам живет в Йошкар-Оле, но заглядывает сюда раза два в год – заходит и на кладбище, и к кенотафу приезжает.

– Но там-то, на кладбище, есть кому посмотреть за могилой, а здесь только я могу приехать.

Саша побеседовал с мотоциклистами еще минут десять. Затем уже из Ленкиного автомобиля он наблюдал, как парни (сын погибшего приехал к кенотафу с другом) прикурили сигарету и положили рядом с памятником.

– Покурить поднесли, – прокомментировал Филимонов. – Говорят, вот на могилах когда так делают, сигарета до самого фильтра сгорает.

Тон его был вполне серьезен. Они поехали дальше. Метров через триста друзья наткнулись еще на один кенотаф – венк с цветами, положенными возле колеса. Судя по всему, придорожный памятник сделали совсем недавно: земля была еще свежая, колесо – почти новое.

Пока Саша фотографировал, Ленка некоторое время всматривался вдаль, а затем склонился к другу и почему-то шепотом произнес:

– Слушай, видишь вон тех – на темно-красной машине?

Большаков выпрямился и посмотрел вдаль. Красный автомобиль стоял на обочине – на том самом месте, где полчаса назад пребывала «девятка» друзей. Сын погибшего с другом еще работали возле памятника; с ними беседовали двое мужчин в одинаковых серых куртках – вероятно, приехавшие на той машине, которая заинтересовала Ленку.

– Ну, и что?

– А то, что я этих ребятешек на красном фиате сегодня полдня уже лицезрею. Это ты, кроме своих пустых могил, больше ничего не замечаешь, а я еще и в боковые зеркала посматриваю. Они за нами по пятам уже километров 80 тащатся!

– Да ладно! – Саша с сомнением еще раз поглядел на отдаленный фиат, похожий на красного жука, севшего на обочину. – Просто так получается, наверное...

– А то, что они каждый кенотаф после нас прощупывают – это тоже «так получается»?

Большаков округлил глаза и пожал плечами.

– Ладно, не веришь, я тебе докажу. Вот запомни ту часть дороги, где наш последний памятник расположен. Сейчас сядем в машину, отъедем потихоньку, и ты сам увидишь весь этот фокус.

«Девятка» поморгала левым поворотником и медленно потащилась дальше. Саша, стараясь делать это незаметно, начал следить за тем, что происходит сзади. Асфальтовое полотно дороги под заходящим солнцем было похоже на мокрое полотенце, вытянутое на леске для просушивания. Видимость была отличная. Не успели друзья отъехать от последнего кенотафа на полкилометра, как Большаков заметил темно-красный автомобиль, вынырнувший из-за поворота и остановившийся ровно там, где несколько минут назад стояла их «девятка».

– Вот елки-палки! – выдохнул Саша и откинулся на спинку автомобильного кресла. – И впрямь по нашим следам катят. Это как же понимать-то?

– А вот как хошь, так и понимай. Может, он, заказчик твой, Монте-Кристо долбаный, еще двух фотографов нанял – типа для контроля?

– Не может быть этого! Это что-то другое, я даже предположить не могу что. Стой – слева кенотаф!

«Девятка» снова остановилась на обочине, и друзья вышли из машины.

– Давай так, – опять заговорщицким шепотом заговорил Ленька. – Потусуемся здесь подольше, – они вынуждены будут нас догнать!

– А если это – ну, блин... У нас оружия-то никакого! – Саша почувствовал, как у него слабеют ноги. – Пришьют они нас и закопают прямо рядом с памятником – могилы уже будут не пустые!

– Да, ладно. Кто будет средь бела дня этим заниматься... – с легким оттенком превосходства произнес Аркадьич. И через некоторое время добавил:

– А вообще, около следующего кенотафа я молоток из багажника достану. На всякий пожарный случай!

Пожарных случаев не случилось, поскольку до самой Йошкар-Олы друзья больше не видели ни красного фиата, ни новых придорожных памятников.

Еще утром Саша нашел по интернету несколько объявлений о сдаче квартир, так что в Йошке их ждал и стол, и дом – всего за 1800

рублей в сутки.

Когда машина была поставлена на ближайшую платную стоянку, а из купленных продуктов приготовлена закуска, Саша достал небольшую бутылку.

– Это местный бальзам. Употребим для прояснения мыслей – не бойся, завтра будешь трезвый, яко младенец.

– Это ты – трезвый младенец. А я – водитель! – объявил Филимонов и с удовольствием опустошил рюмку.

– Может, и впрямь – совпадение, этот фиат-то! – говорил изрядно подобревший Ленька. – Завтра на выезде из города посмотрим.

– Даже если за нами кто-то следил – в городе они нас потеряли. Нам остается незаметно выскользнуть из Йошки.

– Это в том случае, если они не знают нашего маршрута, – возразил Ленька, подливая себе кипятку в чай. – А ежели они знают, что мы стремимся в Киров, то, поверь, найдут нас на трассе обязательно!

– Мне кажется, мы все это себе придумали: кому мы нужны с нашими кенотафами... – Саша потянулся и зевнул.

– Да я ж тебе говорил – заказчику твоему, мать его женщина, или конкурентам каким-нибудь. Или – ФСБ. А что? Подозрительной деятельностью мы с тобой занимаемся, товарищ Большаков! Ездим и фотографируем.

– Брось ты! – отмахнулся Саша и пошел к сумкам, чтобы подготовить технику на завтра: зарядить аккумуляторы и освободить память фотоаппаратов.

– А вот завтра и посмотрим, кто прав! – продолжал разглагольствовать Аркадьич уже из ванны. – Посодют, ей-богу, посодют.

Глава 3. Поминание

Первый кенотаф они встретили на выезде из города. Маленький памятник с крестом притулился за очередным перекрестком. Ленька поставил «девятку» рядом с бордюром, и друзья принялись фотографировать памятники. Когда Саша снимал табличку на кенотафе, он услышал, как Ленька вполголоса выругался. Обернувшись, он увидел человека с полицейской фуражкой и ярко-желтым «фартуком» поверх куртки.

– Влетели, блин! Я ведь аварийку забыл включить! – прошипел Ленька, и друзья направились к машине.

– Добрый день! Остановка здесь запрещена. Права, пожалуйста! – сказал гибддшник – молодой парень лет двадцати семи.

– Да мы меньше пяти минут стоим, вон памятник фотографировали!

– начал оправдываться Аркадьич со столь непривычно мягкой интонацией в голосе, что Саша удивился.

– Ваши права, пожалуйста, – повторил гибддшник, и Филимонов, вздохнув, полез в бардачок машины.

– А это ваш родственник там, что ли? – поинтересовался страж порядка, кивнув в сторону памятника. Саша в двух словах рассказал, что они «фотографируют кенотафы вообще».

– Кено... А, эти – у обочины! Тут у нас на другом выезде – который на Казань – есть несколько, – улыбнулся гибддшник, открыв невероятно шербатый рот. – А зачем вам это?

Большаков терпеливо объяснил, что, возможно, кенотафы вообще скоро уберут – надо их зафиксировать.

– А-а! – протянул любопытный страж порядка и было видно, что он так до конца и не понял, чем собственно занимаются друзья. Тут из машины наконец-то выбрался Ленька и с обреченным видом отдал права.

Через 15 минут они поехали дальше.

– Вот, блин, собака, на полную катушку выписал – полторы тыщи штрафа! Ведь мы там и пяти минут не простояли, а попробуй докажи. Дороговато этот кенотаф нам обошелся! – огорчился Аркадьич.

Большаков успокаивал его, пообещав, что штраф будет оплачен все тем же заказчиком. Ленька помолчал, подумал и через пять минут снова вернулся к своему обычному ровно-насмешливому настроению.

– Я вот что думаю: может, зря ты каждому встречному-поперечному рассказываешь, чем мы занимаемся. Вот этому гаишнику – нафиг ему об этом знать?

– Да ладно! Чего нам скрывать? – отвечал Саша. – Мы же не воруем и не грабим, а так люди мне что-нибудь интересное да расскажут.

– Ну, и что тебе этот шербатый рассказал? Кенотафы на Казанском выезде мы уже отщелкали, а... – прервал сам себя Ленька и уставился в зеркало заднего вида. – Ёперный театр! Это же... они!

Большаков быстро повернул голову назад и через забитое сумками заднее сиденье разглядел темно-красный автомобиль.

– Преследуют нас! Я тебе говорил! – почти с торжеством прокричал Аркадьич. – Посодют нас, как пить дать. Или убьют. А может, этот гибддшник не случайно к нам подошел? Откуда он там выскочил, как утка из камышей? А?

Большаков заметно побледнел и снова обернулся назад.

– Послушай, это перестает быть смешным. Надо дождаться их и выяснить, чего им надо! – предложил Саша.

– Еще чего! – возразил Аркадьич, переключившись на четвертую скорость. – Они нас не домогаются, едут и едут. А мы зачем к ним лезть-

то будем? У нас и без того проблем хватает.

– Кенотаф! – Саша указал налево. Ленька сбросил скорость и, развернувшись, остановился на противоположной обочине. Они некоторое время сидели в автомобиле, посматривая на дорогу.

– Гляди, по-моему, они тоже остановились! – Филимонов покачал головой и достал «Пентакс», лежащий рядом с рычагом переключения передач. Когда друзья вылезли из машины, они увидели, что фиат стоит на обочине в двухстах метрах от их «девятки».

– Фиг бы с ними! – выругался Большаков. – Идем работать.

Ленька сунул ключ от зажигания в задний карман брюк, и они пошли в сторону придорожного памятника. Кенотаф представлял собой целый мемориал с отдельно стоящей беседкой, столиком и даже дорожкой, выложенной щебенкой. Впечатляло необыкновенное количество вещей, которые находились в самых различных местах мемориала – по обе стороны дорожки, в беседке, на соседних деревьях. Здесь были мягкие игрушки, лазерные диски, различные части разбившегося автомобиля. Кусок бампера был неведомо как «впаян» в одно из деревьев на высоту двух с половиной метров. Только затем друзья догадались, что, вероятно, ранее он находился ниже, но за несколько лет (судя по надписи на табличке памятника, авария произошла в 2005 году) выросшее дерево подняло это жутковатое свидетельство ДТП высоко над дорогой.

Фотографирование необычного кенотафа настолько увлекло друзей, что они на несколько минут совсем забыли о своих преследователях.

– Наверное, отец с сыном погибли, – хриплым голосом сказал Саша, кивнув на табличку с именами. – На фамилию и отчество мальчишки посмотри.

Ленька кивнул.

– Да, участочек тут не из простых. По осени дело-то было...

Состояние игрушек, искусственных цветов и – главное – два еще не сгнивших апельсина, оставленных на имитации могилы, говорили о том, что кенотаф совсем недавно посещали.

Сделав несколько десятков фотографий, Саша сел на одну из лавочек, находящихся в беседке.

– Как ты думаешь, они все еще там? – Большаков показал на дорогу, где стоял фиат. Преследовавший их автомобиль был скрыт от глаз фотографов одним из придорожных деревьев.

– А куда ж они денутся? Не развернулись же они там. Стоят, как миленькие, ждут, когда мы отсюда уберемся.

– А мы не уберемся! – неожиданно сказал Большаков. – Мы тут обедать изволим. Заодно и погибших помянем – для этого, кстати, тут беседка и установлена.

В ответ Филимонов пожал плечами и послушно побрел в сторону своего автомобиля – доставать купленные в Йошке запасы.

Саша сейчас уже не помнил, сколько ему было тогда лет – шесть, возможно, семь. Он знал еще с пятницы, что в воскресенье бабушка пойдет в церковь и обязательно возьмет его с собой. Была морозная зима, и ему очень не хотелось вставать с приятно теплой постели. Однако бабушка неумолимой рукой разбудила внука и велела идти умываться.

В то утро ему все не нравилось: чай был слишком крепкий и противно горький; старенький «ПАЗик», который истошно скрипел на каждом повороте и едва ли не трещал по швам от набившегося сельского населения, ехал до церкви ужасно долго. Саша смотрел на разукрашенные морозом и человеческим дыханием автобусные окна, и ему было грустно – так, как бывает грустно только по утрам.

В самой церкви мальчику тоже сначала не понравилось: монотонный голос батюшки гудел откуда-то из-за многочисленных серо-черных спин, заслонявших все самое интересное.

Уже минут через десять он устал стоять, ему захотелось выйти отсюда, а после стали слипаться глаза. Но на лице бабушки, стоявшей слева, светилась такая торжественность и строгость, она так медленно и со значением клала кресты, что он не осмелился ее беспокоить. Затем он все-таки нашел способ ослабить давление на свои уставшие ноги: валенки, которые надела на него бабушка, почти на десять сантиметров были выше колен. Это позволяло опереться на их края бедрами и «полусидеть».

Приняв положение наездника, Саша почувствовал себя вполне сносно: можно даже дремать. И неожиданно от всего этого – едва слышного потрескивания свечей, воскового запаха, светлых и чистых голосов певчих, высокого купола, откуда сверху на него смотрел Саваоф во славе своей – от всего этого стало так хорошо, что даже защипало в носу, как бывает, когда собираешься заплакать.

И вот с того момента Саша, наверное, и стал понемногу верить в Бога. Большаков это хорошо помнил – именно там, в церкви, полусидя на высоких валенках, он впервые ощутил внутри себя какое-то теплое чувство, которое, раз испытав, уже ни на что не променяешь...

На столе, деревянная поверхность которого была прикрыта газетой (дело рук заботливого Филимонова), друзья разложили хлеб, нарезанную крупными кусками вареную колбасу и связку бананов. Большаков толком не знал, зачем он только что рассказал Ленке о своей почти забывшейся поездке с бабушкой. Эти мысли и образы пришли к нему сами собой – и все вспомнилось настолько живо и так отчетливо, что на секунду он

почувствовал, как заболели бедра – в тех местах, на которых он когда-то давно «полусидел» в заснеженной церкви.

Что-то в этой беседе, в этих лазерных дисках и мягких игрушках, во всем их путешествии было такое, что подталкивало к подобным ассоциациям.

– А помнишь – там, еще в Ульяновской области, камень с именами детей? Школьный автобус, кажется, разбился... – напомнил Ленька, когда Большаков закончил свой рассказ о церкви. Саша поежился в ответ. Они натолкнулись на этот придорожный памятник в первый же день своей «кенотафии». Друзья насчитали на большой металлической табличке, прикрученной к огромному валуну, восемнадцать детских имен и фамилий. Дети были примерно одного возраста – класс пятый-шестой.

Что именно случилось четыре года назад на этом перекрестке, Большаков не знал. Вероятно, дети возвращались из летнего лагеря. А может, они ездили на экскурсию – в какие-нибудь Болгары.

– В фуру, наверное, врезались. Или в грузовик. От столкновения с легковой не бывает столько погибших, – предположил тогда Ленька. После этого кенотафа друзья ехали в абсолютном молчании почти полчаса. А на следующий день Филимонов неохотно признался другу, что ему снились кошмары.

– Не дай Бог нам такие валуны еще раз встретить! – сказал Ленька.

Подобных кенотафов им действительно больше не попадалось. Но были другие – обозначающие места гибели целых семей, друзей, родственников. Иногда встречались памятники, установленные на расстоянии нескольких метров друг от друга или по разные стороны дороги. И только по датам гибели друзья понимали, что эти «пустые могилы» – свидетельство одной и той же аварии: по всей видимости, жертвы просто ехали в разных автомобилях навстречу друг другу...

– Ну, что идем? Если эти на красном «фиате» и следят за нами, то их точно уже «достало» ждать нас! – сказал Большаков и начал убирать остатки снеди со стола.

Сделав еще несколько кадров, друзья пошли к автомобилю. Когда они выбрались на обочину, то с неприятным удивлением увидели, что красный автомобиль с затемненными окнами стоял теперь намного ближе – всего в пятидесяти метрах от их «девятки».

– Может, подойдем да спросим напрямик, что им нужно от нас? – снова предложил Саша.

– Нет уж. Нечего связываться. Садись – поехали! – безапелляционно заявил Ленька. Филимонов развернул на широкой обочине автомобиль, и они принялись укладывать в багажник сумку с едой. Затем Саша обошел машину, чтобы сесть на свое привычное место на переднем сиденье. Ленька

все еще возился с багажником сзади.

– Дверь! – вдруг заорал Филимонов так пронзительно, что Саша чуть не подпрыгнул: он уже уселся в машину, но замешкался с дверью, так как хотел сначала положить фотоаппарат на заднее сиденье. В это самое мгновение темно-красный автомобиль на полном ходу по касательной прошелся рядом с их «девяткой». Машину основательно тряхнуло, и Большаков словно в замедленном кино увидел, как полураскрытая дверь мгновенно исчезла со своего места. Фиат успел скрыться за поворотом, а оторванная дверь их «девятки» все еще громыхла по асфальту, пока не съехала в траву, растущую на обочине с противоположной стороны дороги. Ленька сначала остолбенел, а затем с растерянным видом побежал к оторванной двери. Саша вылез из автомобиля и начал материться так страшно, что Аркадьич даже на несколько секунд отвлекся от увлекательного процесса, связанного с рассматриванием покоренной двери.

– Дверь, мать твоя женщина, закрывать надо! – Филимонов со злостью перевернул дверку на другой бок. Впрочем, сказано это было, скорее, от отчаянья: очевидно, что преследователи на фиате сделали это вовсе не из-за оплошности Большакова.

– Ведь наша машина стояла на обочине. Они специально! Елки-палки! – Большаков все равно чувствовал себя отчасти виноватым в произошедшем. – И ведь умчались, подлюги! Ты номер-то запомнил их?

Ленька покачал головой.

– По-моему, регион там 16-й. Но я не уверен. Что делать-то будем?

– На СТО ближайшую ехать. Что тут еще сделаешь! – ответил Большаков и взялся за другой край оторванной двери.

Глава 4. На СТО

Станцию техобслуживания они нашли в Санчурске. Мужики попались толковые и за какие-нибудь два часа справились с ремонтом. Дверь, как пояснили сто-шники, «срезало» очень удачно: сваркой пришлось заниматься немного. Проблема была только с оторванным боковым зеркалом и треснувшим (но не разбившимся!) стеклом.

– Фиат говорите? – с удивлением покачал головой один из мужиков, одетый в измазанные маслом темные джинсы и куртку защитного цвета. – Да их машине, небось, больше досталось – им весь бампер, наверно, расхерачило!

Услышав эту авторитетную фразу, Филимонов порозовел от удовольствия, а Большаков погрузился в глубокую задумчивость.

– Ты вот мне скажи, – говорил Саша другу, пока они сидели на бетонной плите неподалеку от СТО, ожидая окончания ремонта, – какой

дурак будет жертвовать своим фиатом? Ради чего? Тут дело серьезное. Может, нам в полицию обратиться?

– И чего ты им скажешь? Товарищи полицейские, мы тут кенотафы фоткаем, а нам какие-то ребята на фиате жизни не дают! Они больше заинтересуются твоими кенотафами, чем этими уродами, чтоб им кошмары все время снились! – Ленька затыкнулся и выпустил кольцо дыма в серое небо Санчурска.

– Нет, пока они просто нас преследовали – тут еще ладно. Но сегодня – это уже чересчур. Тут что-то делать надо... Сколько нам еще до Кирова осталось?

– Да сейчас бы уже там были, если бы некоторые за дверью следили! – Ленька редко упускал случай вспомнить прегрешения других.

– Да ну тебя! Сам ведь знаешь, как это было. Мы стояли на другой стороне дороги – они, блин, на «встречку» выкатили, чтобы нам дверь оторвать! Не будь двери открытой – они, может, палить в нас чем-нибудь начали. И что это за черти такие? – Саша взъерошил волосы и закрыл глаза.

– А ты свяжись со своим шефом и спроси напрямую – может, он объяснит! – продолжал язвить огорченный из-за случившегося Филимонов.

– Да нет, нет никакого «шефа»! – Большаков встал с бетонной плиты, на которой они сидели, и стал прохаживаться из стороны в сторону.

– Как нет?! – Филимонов с неподдельным испугом смотрел на друга.

– А так! Я сам, самому мне надо это все. Идея появилась – вот и поехал. И тебя вот... взял.

– Взял? – Ленька закашлялся от возмущения. – Это я тебя взял! Нам что никто не заплатит за все это?! Тут дверь только знаешь во сколько выльется?

– Да за все заплатят! Я заплачу! Что ты из-за денег переживаешь, что ли? Хочешь прямо сейчас всё тебе отдам? До банкомата дойду – и отдам! – в голосе Сашки послышалась настоящая обида.

– Да не надо мне всё. За дверь вон заплати хотя бы! – Ленька поднялся и, не оборачиваясь, пошел к мужикам, ремонтирующим «девятку».

Большаков посмотрел на спину удаляющегося Филимонова и, чертыхнувшись, побежал в забегаловку через дорогу – по слухам, там был банкомат.

Вернувшись, он застал Леньку за разговором с сто-шником, одетым в куртку цвета хаки. Саша подсел к курившим и с удивлением понял, что речь идет о придорожных памятниках.

– Братишка у меня навернулся там, за Кировом, километров пятьдесят отсюда. Вот я ему сам памятник сорганизовал – заказал тут у

нас в Санчурске. И отвез – поставил. Все путем – с оградкой, фотку прикрутил, – мужчина говорил с характерным санчурским «распевом» гласных, особенно налегая на «а».

Его брат был схоронен на местном кладбище, а к кенотафу он ездил, «как снег сойдет» – чтобы прибраться и оградку покрасить.

– Интересным вы делом занимаетесь, парни. Нужным. Я вот вам что скажу: верьте-не верьте, но у брата моего фотка на том памятникче-то меняется! Как это вам объяснить-то... В общем, на кладбище не меняется, а на том памятникче, где он разбился – меняется!

– Это как так? – Большаков мигом забыл все недавние неприятности и во все глаза смотрел на говорившего.

– Как? А вот как: если давно я не был у него – ну, там дела, вот тут клиентов много, начальство не отпускает, то да сё, – у него лицо, ну, на фотке я имею в виду, вот печальное. Понимаешь? Вот и глаза, и всё там. Нет, в общем, настроения никакого. А приеду вовремя, почищу там, покрашу, покурить ему положу, рюмку налью, – как уезжать соберусь, так у него лицо прямо светится. Да. Прямо на фотке! Вот, ей-богу, мужики, не вру! – сто-шник закурил еще одну сигарету.

Саша был в восторге от услышанного. Когда они возвращались в Йошкар-Олу (решили заночевать там, потому что уже вечерело, а до Кирова было далековато) он только и говорил, что о беседе с сто-шником.

– Вот видишь: всё к лучшему получилось. Если бы не эти «фиатчики», мы с мужиком этим вообще бы не встретились!

– Тьфу-тьфу! Не к ночи будут помянуты эти твои «фиатчики», – сплюнул суеверный Ленька, вглядываясь в освещенную светом фар дорогу. – Ты насчет квартиры-то точно договорился?

– Да, с той же хозяйкой, где и вчера ночевали. Там со всеми удобствами, – отвечал Саша.

– В ванну бы сейчас залезть! И поспать... – мечтательно говорил Филимонов, прислушиваясь к дребезжанию пострадавшей двери. На ней красовалось новое боковое зеркало, но многочисленные трещины, паутиной разбежавшиеся по стеклу, не давали Леньке покоя. Увидев свет фар сзади, он внутренне напрягся и чувствовал себя спокойно только тогда, когда очередной автомобиль обгонял их «девятку» и бесследно растворялся за поворотом.

Устроившись в квартире, они решили прогуляться по вечернему городу. В центре Йошкар-Олы было на что посмотреть: по обе стороны от Кокшаги несколько лет назад возвели уменьшенные копии известных архитектурных шедевров мира. Небольшие здания, подсвеченные электрическим светом, различные скульптуры и спокойно гуляющие горожане – все это произвело на друзей самое благоприятное и

расслабляющее воздействие. Уже лежа на широкой кровати (Большаков устроился на соседний узкий диванчик), Ленька, позевывая, говорил:

– Надо бы еще с Ёшкиным котом сфоткаться. Это у них тут достопримечательность такая... Слушай: а может, ну их, твои кенотафы! А, Большаков? Один геморрой от них да оторванные двери...

Сашка не отвечал, сосредоточенно смотря на экран ноутбука, который стоял у него на коленях.

– Да ладно, это я так... – Филимонов еще раз умиротворяюще зевнул. – Раз уж взялись за гуж – то теперь не говори, что не муж. Только как нам этих фиатчиков провести – чтобы отстали от нас? Хоть машину перекрашивай в другой цвет, ей-богу.

– Осталось не так много: до Кирова доберемся, а там – домой. Дня через два родные просторы колесить будем. А насчет этих, на красной машине которые, – то я б давно в полицию обратился, если бы не ты, – отвечал Сашка, который был занят просмотром свежих фотографий.

– Да как ты не поймешь? – Ленька приподнялся на локтях. – Ну, что тебе даст эта полиция? Только времени уйму потеряешь. Хотя номерок-то этих ребятишек, которые нам дверь покорежили, стоит в следующий раз запомнить. А лучше – сфотографировать их тачку надо! Вот.

Саша согласился, но про себя надеялся, что темно-красный автомобиль больше не встретится им до конца пути.

– Ленька, а ты все-таки что думаешь про них – кто это может быть?

– Да кто ж их знает! – Филимонов безразлично махнул рукой. – Придурки какие-нибудь. Или бандюги.

– Ага, делать бандюгам больше нечего, как нас преследовать. Давно бы прихлопнули где-нибудь. Ведь они с самого Татарстана за нами тащатся. Просто так люди не стали бы время и деньги расходовать, – возразил Большаков.

– Но мы-то как раз этим и занимаемся: просто так расходуемся! И они стало быть... – Филимонов загоготал, увидев, как исказилось лицо друга в ответ на его слова.

– Ну, ладно-ладно... Ты вот скажи, Сашка, ну, что ты будешь делать с этими тысячами фотографий? Солить их? Я не знаю – сайт создашь, что ли?

– Сайт, между прочим, – это идея весьма неплохая! – согласился Большаков. – Ничего подобного в Инете я еще не видел. Ну, а так – статью напишу научную. Это дело вообще мало кто исследовал.

– Статью научную? – Ленька перевернулся на другой бок. – И вот на кой черт? Одной статьей больше, одной меньше. Что это тебе даст-то?

– Некорректный вопрос! – глубокомысленно ответил Сашка и замолчал. Ленька только тяжело вздохнул в ответ и через пару минут

захрапел по-богатырски.

Глава 5. Тетя Настя

В Киров поехали снова через Санчурск. Сашка решил произвести повторную съемку тех же придорожных памятников, что они сфотографировали два дня назад. Ленька был этим очень недоволен.

– Да на что тебе снова те же кенотафы? Если так дело пойдет, то мы никогда до Кирова не доберемся. Ведь есть их фотки уже! – ворчал Филимонов, то и дело посматривая на дорогу: он опасался появления красного фиата, о чем уже не раз говорил Большакову. – И этих краснофиатчиков снова привлечем – они ведь нас и засекают только потому, что мы плетемся, как черепахи, и возле каждого пригорка останавливаемся.

Сашка отмахивался и говорил, что повторную съемку сделать необходимо.

– Пока мы повторно снимем на дороге от Йошки до Санчурска. А, глядишь, через месяц-другой попробуем «повторить» на более длинном участке.

Ленька только руками замахал:

– Ну уж нет! Больше ты меня в такую авантюру не втянешь. Кенотаф в одиночестве!

Они в очередной раз остановились у знакомого придорожного памятника. Кенотаф представлял собой небольшой металлический крест. У его подножия находилась выцветшая от времени фотография двух девочек, помещенная в рамочку со стеклом.

Этот памятник располагался на выезде одного из сел – буквально в десятке метров от последнего дома. Несмотря на то, что Ленька решил демонстративно не выходить из машины и оставить повторную (абсолютно бесполезную!) съемку исключительно на Большаковской совести, в этот раз он также выбрался из «девятки». Не прошло и пяти минут, как друзья услышали странный шум со стороны близлежащих домов. Сначала они уловили какие-то крики, затем увидели бегущую по трассе пожилую женщину. В ее руках был удлинённый предмет, которым она время от времени взмахивала. Каждый взмах сопровождался хриплым криком такой силы, что услышать его можно было на другом краю села.

– По-моему, она бежит к нам! – быстро проговорил Ленька и почти инстинктивно двинулся в сторону машины.

– Постой! – Сашка ухватил его за куртку. – Если мы сейчас пойдем к машине, то только усилим подозрения, что мы здесь чем-то нехорошим занимаемся. Она подойдет, и мы ей всё объясним.

– Подойдет... – уныло протянул Филимонов. – Она не идет, а бежит! И в руках у нее что-то увесистое.

Через минуту испугался и Сашка, так как друзья поняли, что женщина, бежавшая к ним, была вооружена мотыгой.

– Это чегой-то вы тут делаете, сволота этакая? – с подкупающей искренностью обратилась она к ним, будучи еще метров за 20 от кенотафа.

– Мы просто... фотографируем! – громко отозвался Большаков, стараясь изобразить в голосе всю вежливость, на какую он был способен.

– Фотогра... – буквально задохнулась прибежавшая селянка и взяла мотыгу в другую руку. – А кто это вам позволял тут фотографировать? А ну уметайтесь отседа, пока я соседей не позвала!

– Так ведь их убрать собираются! – прибег Сашка к своему привычному объяснению. – Вот мы и хотим зафиксировать, сохранить, так сказать.

– Кто убрать? Это как это? – опешила женщина и опустила мотыгу. Ленька счел это за добрый знак.

– Да Госдума, депутаты закон вот обсуждают: убрать, мол, все кенот... Памятники эти, кресты. А мы хотим сфотографировать, чтобы осталось... для науки, так сказать!

– Да ну?! – лицо их собеседницы выражало недоверие и растерянность. – Да кто ж им позволит-то? Вот ироды-то, делопуты окаянные! Да разве я дам им мою Софушку?! Ведь она здесь с Наташкой-то...

Женщина подошла к кресту, наклонилась, чтобы поправить фотографию в рамке и вдруг расплакалась.

– Да вот и мы тоже говорим: вздумали-то что эти депутаты! Вот хоть сфотографировать... – несвязно произнес Ленька, и Филимонов с удивлением заметил, что его друг стал говорить с тем же продлением гласных, что и местные. «Видимо, с испугу», – решил Большаков, а вслух произнес:

– Вы не думаете, мы ничего плохого не хотели: мы сами с Ульяновска, уж не одну сотню этих памятников сфотографировали!

Друзья не знали, что именно успокоило женщину – может быть, их безобидный вид или объяснения, но слезы ее неожиданно высохли, и она безо всяких предисловий пригласила их к себе.

– Нет-нет! Я вас так просто не отпущу! – заявила она, уже улыбаясь. – У меня все гости останавливаются! Спросите, кого хотите – все скажут, что тетя Настя гостей привлекает. А вы издалека да таким делом хорошим занимаетесь. Хоть чаю попьете!

Большаков решил не отказываться, так как надеялся, что сможет подробнее расспросить «тетю Настю» про кенотаф. Ленька, все еще

поглядывавший на мотыгу, тоже особенно не возражал – тем более что чай, по словам гостеприимной хозяйки, должен был сопровождаться блинами.

– Сегодня как раз пекла, как знала, что вы приедете! – говорила она Саше, пока Филимонов пристраивал «девятку» поудобнее рядом с ее избой.

Как узнали друзья чуть позже, жила тетя Настя одна-одинешенька, однако хозяйство держала большое: были и куры, и утки, и даже корова.

– Уж коров-то у нас сейчас никто не держит, а я не могу без своей Метельки. Муж причил: он у меня только свое молоко признавал, магазинное терпеть не мог. Умер он, хозяин-то, семь лет назад. Оно, может, и к лучшему: нашу Софушку не пришлось ему в гроб класть! – глаза тети Насти опять наполнились слезами, но она спохватилась, запричитала, что держит гостей на пороге и провела их в дом.

В небольшой избе было всего две комнаты, не считая «чулана» (кухни). Войдя, Большаков сразу заметил большой иконостас в переднем углу в зале: там же к стене были прикреплены два больших церковных календаря. На верхней полочке перед иконами стояла лампадка и стаканчик с недогоревшей свечкой.

– Ведь у меня у Софушки день рождения скоро, – сообщила она, зажигая газовую плитку, чтобы подогреть чайник. – Ей бы двадцать один... нет, уж двадцать два исполнилось бы сейчас. У меня и сынок еще есть, старший. Он в Йошкар-Оле живет, работает в ГАИ... Или там как у них сейчас...

– ГИБДД, – услужливо подсказал Ленька и нахмурился.

– Да, да, – закивала головой тетя Настя. – Ему уж тридцать, Паше-то. Он вот все пытался это дело расследовать, с Софушкой. А чё тут расследовать – сбил их наш же, сельский, Трофимов Петька – у него «УАЗик» свой...

Женщина разлила друзьям чай. Еще до этого она разложила по тарелкам давно ожидаемые Филимоновым блины и достала банку светло-желтого цветочного меда.

– Как же это... произошло с дочкой-то? – Большакову стыдно было возвращать хозяйку к болезненной для нее теме, однако словоохотливая тетя Настя, казалось, только и ждала этого вопроса.

– Пять ведь лет прошло, сынок, а как будто вчера только... Она ведь знаете какая у меня была: ее мой-то всё «Софка-юла» называл. Она ходить, наверное, лет до десяти не умела: всё только бегала. И в школу бегом, и из школы бегом. Учителя нахвалиться не могли. В местной, да, в местной школе училась, – тетя Настя говорила о дочери, улыбаясь. Большакову показалось, что она даже помолодела, словно не было на ее голове

старушечьего выцветшего платка, а из-под него не выбивались пряди седых волос, которые, когда она бежала к ним с мотыгой, почему-то особенно испугали Филимонова.

– Как вот это получилось... У них выпускной был, они ж с Наташкой – неразлучны подружки были. С детства – куда та, туда и другая. Мы соседками были раньше с ее мамкой, а потом они переехали на другую улицу... И вот, знаешь, сынок, ведь у меня... как это сказать? Предвешанье мне было, – тетя Настя говорила, обращаясь, в основном, к Большакову. Но, глядя, с каким удовольствием Ленька уписывает блины, не забывала подливать друзьям чаю и бегала пару раз на кухню за конфетами, хотя Сашка пробовал этому противиться.

– Вот веришь, нет: стала я ей за день до этого выпускного волосы расчесывать. Софушка любила, когда я ее расчесывала: «Ты, говорит, мамка, умеешь, а я нет: у тебя рука легкая». А у нее головка всегда чистая была, волос тонкий, светлый, как лен, а тут я чешу и – как вроде шишечка темненька. Я говорю: «Дочка, да что это?». А она: «Не знай, мамк!». А я как вытащила, так и обомлела: ведь там вошь! Вот жуткое дело! Как орех. А потом еще и еще одна. Я вот полночи не спала, все думала: да откуда ж такая напасть-то? И потом ведь мне подсказали пожилые люди: смертушка, говорят, это ее уже пометила. Вот кабы я знала, сынок! Вот кабы сердце мне подсказало, что это такое! А я их вытащила да и забыла. А через два дня – выпускной. И всё. Нету моей Софушки!

Женщина закрыла глаза руками и разрыдалась в голос. Большаков – сам не свой – несколько раз привставал, не зная, что делать. Ленька напустился, а затем по-хозяйски пошел на кухню и принес оттуда стакан холодной воды.

– Я щас, я водички... Спасибо! – произнесла тетя Настя виновато. – Вы это простите меня! Я всё, больше уж всё, не буду. Выплакаться надо было мне. Одна-то поплачешь-повоеешь, а тут люди... И тоже вот ведь расплакалась!

Большаков принялся извиняться и решил, что больше ни за что не вернется к этой теме, но женщина вытерла глаза уголками головного платка и сама продолжила.

– Где-то за дорогой поляна у нас есть, озерцо там, это вот рядом с Уваровской горкой, у нас так называют. Я сама-то там не была, но Софушка с Пашкой – они рассказывали. И вот туда на выпускной они ходят. Ходили вот – как рассвет, что ли, встречать. Традиция вроде как в школе такая. А Наташкина мать ей, как на грех, велела, чтобы та пришла пораньше. В общем, пошли они назад вдвоем, а там еще не рассвело толком, и сбил их на «УАЗике» Петька Трофимов. Он трезвый-то никогда не был, сколько жил в селе – столько и пил...

Рассказчица замолчала, склонила голову, словно вспоминая что-то.

– А вот памятник-то вы сами поставили?

– Крестик-то? Это я Пашеньку попросила. Он с города привез, там заказывал. Вместе с сыном и поставили. И фотографию Софушкину я туда же отнесла, она уж выцвела вся. Я туда бегаю часто, на кладбище и то реже хожу. Она здесь на местном схоронена. Я, как праздник, и на могилку зайду, и к крестику схожу, конфеток отнесу. Она любила конфетки – особенно вот с мишками, «Мишки на севере».

– А вот фотография ее... – Сашка задал этот вопрос, специально к нему не готовясь: он сорвался с языка сам собой. – Вот не замечали, что как будто меняется она? Как настроение, что ли...

Женщина замерла и внимательно посмотрела на Большакова. Тот смутился, что спросил как-то не про то и не так, но тетя Настя вздохнула и произнесла:

– Бывает, сынок. Как же: придешь, сядешь у крестика-то, поговоришь с ней, а она – улыбается тебе оттуда. Я всегда говорю: не дай Бог никому похоронить свое дитя. Вот мужу-то... повезло. Он первое Софушки убрался.

Она опять замолчала и медленно обвела глазами стены зала, где чаевничали друзья. Саша тоже невольно посмотрел на фотографии, висевшие в рамках. Композиции, составленные из многих черно-белых и цветных снимков, соседствовали с отдельными портретами. В центре висело изображение уже знакомой Большакову девушки – погибшей дочки хозяйки.

– Снится она мне часто... – произнесла женщина все также тихо и задумчиво. – Вот в последний раз говорит: «Мамк, надоела сладня – конфеты да печенья. Мне бы щец похлебать». И правильно: я ведь таскаю к крестику конфеты и так – знакомым раздаю. А у нас тут на Нижней улице дурачок один живет. Ему хибарка от матери досталась, он и сарай свой, и забор в печке зимой спалил. Как вот бомжи в городе живут, так и он. Я проснулась после сна-то этого, скорей шей сварила – и прямо в кастрюльке ему сбежала и отнесла. Он похлебал с удовольствием: сам-то худой, а ест как лошадь колхозна. Вот и помянула...

Большаков слушал ее, как замороженный, и, забыв все свои внутренние обещания не говорить больше про погибшую, тут же спросил:

– А еще как она вам снилась?

– Еще? Да по-всякому. Вот с мужем, с папкой своим, однажды мне привиделась. Идут вместе, улыбаются, а я к ним хочу, аж слезами вся умываюсь, как хочу к ним. А они вроде как за речушкой какой-то, – вот у нас тут есть ручеек, вот такой же. Кричу им: «Софушка, дочурка, возьми меня к себе! Помоги, мол, перебраться». А она головой вот так качает, из

стороны в сторону, и говорит: «Не ко времени тебе еще, мамк! Рано, говорит». Вот так и живу, милые, так и живу...

Друзья засобирались в дорогу. Ленька так расхваливал блины, что просиявшая теть Настя завернула им в пакет еще каких-то самодельных плюшек.

– Сгодятся в дороге-то! Уж больно вы мне понравились. Заезжайте к тете Насте, не забывайте!

Их новая знакомая вышла на обочину, провожая их, и Большаков видел ее выцветший платок в зеркало заднего вида до тех пор, пока село не скрылось за поворотом.

– Блин, пятый час уже! – сказал Аркадьич, переключившись на пятую скорость. – В Кирове-то точно квартира будет?

– Будет. Ты только не гони так, а то кенотаф пропустим!

– Как бы нам Киров вместе с твоими памятниками не пропустить! – заворчал в ответ Филимонов, а потом добавил: – Блины у тети Насти замечательные. И она сама – душевная, правда?

В Киров приехали около десяти вечера.

Глава 6. Непризнанное открытие

«Встреча с тетей Настей – показательный пример того, как мало мы знаем о кенотафах. Фотографии без текстов, без рассказов и представлений о том, что это все означает для родственников и близких, которые устанавливают памятники вдоль обочин, – останутся лишь пустыми «картинками». Изображениями «чего-то», что лишено вообще всякого смысла. Или же – что еще хуже – я сам начну это все интерпретировать в соответствии со своими представлениями о том, как должно быть и как бывает. Вот почему кладут «подношения» около кенотафа? С той же целью, что и на могилах? В какие именно даты посещают «пустые могилы»? В день рождения погибшего, в день гибели, на религиозные праздники или – когда придется и когда удобнее? И это изменение лиц на фотографиях... Что это? Распространенное представление или какое-то уникальное, окказиональное явление?».

Большаков оторвался от клавиатуры и пошел ставить чайник. Филимонов возился со своим ноутбуком, переустанавливая какую-то программу. Поминутно оттуда доносилось сопение и характерное шелканье языком, которое означало у Леньки высшую степень досады.

Большаков через 10 минут вернулся с чашкой кофе. Филимонов даже не обернулся в сторону друга, хотя обычно в подобной ситуации произносилась ритуальная фраза: «А мне не мог налить, что ли?».

Сашка снова уселся за свой полевой дневник (теперь уже не нужно

было называть его «Отчетом» для мифического заказчика, но Большаков не любил переименовывать файлы).

– Ты фотки-то наши последние смотрел? – от неожиданного вопроса Филимонов Сашка вздрогнул. Он молча помотал головой в знак того, чтобы Ленька его не отвлекал.

– Нет? А то мне показалось, что и впрямь фотки на одних и тех же кенотафах разные. Освещение, что ли, другое...

Большаков оторвался от экрана и уставился на друга, словно не понимая, о чем тот говорит.

– Разные?

– Ну, да. Нам же говорили, что меняется у них там...

Большаков вскочил с кресла, не дав Леньке договорить.

– Где? Показывай!

– Что ты так вскочил-то? – сказал Ленька, довольный произведенным эффектом. – Я ведь и программку поставил, чтобы удобнее было сравнивать снимки. Подожди-ка...

Филимонов несколько раз кликнул мышью, и на экране появилось несколько десятков фотографий в виде «иконок».

– Да сделай покрупнее! – от нетерпения Большаков прикусил нижнюю губу.

Ленька еще несколько секунд колдовал над ноутбуком, и наконец, открылись одновременно два снимка. На левом фотография на кресте была размещена чуть дальше от объектива, чем на правом. Большаков почти минуту напряженно глядялся в экран, а затем пожал плечами.

– Да все одно и то же. Просто свет другой. Позавчера было солнце, а вчера – сплошные облака.

– Подожди, просто здесь не так сильно заметно, – возразил Филимонов и стал открывать новые снимки. – Вот, смотри!

Сашка снова увидел две фотографии одного памятника. Затем лоб его раздвоила скептическая морщинка.

– Ну, и?..

– Что? – Филимонов даже приподнялся от разочарования на кровати, на которой полулежал, подобно античному герою. – Неужто и сейчас не видишь?

– Да то же самое! Ленька, ты пойми, наши рассказчики воспроизводили определенное представление, они заинтересованы видеть именно так, а не иначе. Здесь некоторое психологическое состояние плюс суеверие...

– Суеверие! – передразнил друга совсем расстроившийся Филимонов. Его открытие, которым он собирался поразить в самое сердце своего высокоученого товарища, было отвергнуто и растоптано. (Между

прочим, у Большакова была кандидатская степень, а на верхней полке его домашнего книжного шкафа пылилась диссертация, посвященная наличникам одного из сел Ульяновской области). – Много ты понимаешь в фотографиях. Ты разуй глаза-то: лица совсем разные!

Большаков махнул рукой и вернулся за свой полевой дневник. Обиженный Ленька молча пыхтел за своим ноутбуком еще часа полтора, а затем уснул, уткнувшись лицом в подушку.

Глава 7. Ритуальные услуги

Утром за чаем Филимонов предложил другу прогуляться по Кирову.

– Я в Вятке уж не помню когда бывал в последний раз, – говорил Ленька авторитетным тоном человека, исколесившего пол-России по служебным надобностям. – А ты и вовсе не видел здесь ничего!

– Да я не против, у меня как раз задумка была одна...

– Знаю я эти твои задумки! – забеспокоился Ленька. – Снова, чать, свои кенотафы будешь разыскивать.

– Не-е... - протянул Большаков и задумчиво посмотрел в окно на кировские серые пятиэтажки, слегка омытые накрапывающим весенним дождем. – Я хотел бы пообщаться с кем-нибудь из работников местных похоронных контор – ну, кто памятники изготавливают. Ведь кенотафы у них часто и заказывают. Может, расскажут чего-нибудь интересное.

– Это ты без меня, пожалуйста! – сказал Филимонов. – Сам общайся со своими могильщиками, а я лучше по городу поброжу, достопримечательности пофоткаю.

На том и порешили.

Интернет услужливо направил Сашку по конкретному адресу – на улицу Карла Маркса. Большаков давно уже перестал обращать внимание на то, что в каждом – без исключения – российском городе есть улица имени автора «Капитала». «Осталось проверить, – думал Большаков, поднимаясь по узкой лестнице двухэтажного здания, в котором располагалось МУП «Ритуальные услуги», – в каждом ли городе такие МУПы располагаются именно на Карла Маркса. Ну, если не на Карла Маркса, то уж на улице Бебеля – это как пить дать!».

На первом этаже было два небольших помещения – в одном торговали венками и «всеми необходимыми аксессуарами», в другом стояли готовые гробы – «от самых дешевых до самых респектабельных», как пояснила вошедшему пожилая продавщица.

– А вот изготовлением памятников у вас кто здесь занимается? –

спросил Саша, зачем-то налегая на слово «здесь».

– Так вас памятнички интересуют? – зашебетала продавщица. – Это на втором этаже – как подниметесь, налево.

Пройдя по указанному маршруту, Большаков увидел небольшое окошко, рядом с которым на деревянном пюпитре лежала толстая папка. Она была намертво соединена с пюпитром толстой проволокой – видимо, чтобы особенно дотошные посетители не унесли ее с собой. В папке обнаружили образцы памятников и примерный прейскурант цен.

Саша принялся внимательно изучать «фолиант» в надежде обнаружить те типы кенотафов, что им удалось зафиксировать во время их путешествия. И действительно: ему попался так называемый «вазон», то есть черная металлическая подставка на удлиненной ножке, куда обычно втыкались искусственные цветы. Именно так обозначалось место гибели в ДТП на некоторых участках трассы, которые они вместе с Филимоновым преодолели за последнюю неделю.

– Тут не всё, – раздался мужской голос из окошка. – Мы и по индивидуальному заказу можем сделать, если нужно.

– Ага, – отозвался Саша, все еще не в силах оторваться от просмотра папки. – А вот если нужно м-м... у дороги на обочине памятник поставить. Ну, когда авария...

– Понял, – отозвался голос невидимого мужчины. – Это мы делаем, но вообще-то... Не очень у нас приветствуется такое.

– Это почему же? – поинтересовался Большаков, пытаясь рассмотреть в узком окошке лицо говорящего.

– Ну, как вам сказать: это ведь не совсем законно. Представьте себе, что каждый начнет памятники вдоль дороги ставить. У нас тогда не Россия будет, а одно сплошное кладбище! Верно я говорю? – последнюю фразу Саша услышал откуда-то сбоку. В той стороне что-то звякнуло и незамеченная Большаковым дверь распахнулась. На пороге показался высокий и худой мужчина лет пятидесяти пяти. Он был одет в синий костюм; подбородок его портила трехцветная жидкая бороденка, похожая на флаг какой-то страны.

– А вам вот случалось такие памятники делать? – спросил Саша, сделав шаг в направлении двери. Мужчина смерил его взглядом, затем отвел глаза и сказал:

– Мы делаем, что нам закажут. А куда потом клиенты увозят товар, где и кто там устанавливает – это уже не наше дело.

Большаков понял, что его собеседник испугался вопросов и хочет поскорее завершить беседу.

– Да вы не думаете: я не проверяющий какой-нибудь, я изучаю их. Фотографирую, чтобы узнать, какие вот типы бывают... этих памятников.

Ведь их вообще скоро убирать, вроде как, собрались.

– Про это я слышал, – настороженно отозвался мужчина, все также стоя на пороге своего кабинета. – Только еще неизвестно: может, и оставят всё, как есть. А вам оно зачем?

– Да я... так скажем, ученый. Антрополог или этнолог – вроде того... – засмутился Большаков.

– Антропо-олог, – насмешливо протянул мужчина и вышел наконец-то из сумрака своего кабинета в коридор к Саше. – И что теперь этнографы даже такими вещами занимаются? Что заканчивали-то? На какую тему диссер?

Большаков, не ожидавший подобных вопросов, замешкался с ответом.

– Да я сам в свое время в аспирантуре учился... Вы заходите ко мне, посидим-поговорим, – пригласил он Большакова.

Кабинет напоминал каморку Раскольниковова и явно не предназначался для посетителей. Хозяин уселся на потертый стул, а Большакову уступил свое – «нагретое» – кресло.

– Лопаткин Василь Васильич, – представился мужчина; Большаков пожал протянутую им руку. – Я учился в местном университете, а в аспирантуру поступил в Питере. По образованию – социолог.

В ответ Саша кратко посвятил нового знакомого в особенности сельских наличников.

– Ничего, тема спокойная и для фантазии в общем-то есть простор, – одобрительно сказал Василь Васильич, и Сашке почему-то стало нестерпимо стыдно за тему своей диссертации. – А я вот писал про самоубийства. «Мотивы девиантного поведения» – что-то такое в заглавии было. Но бросил это дело и, как видите, коротаю свой век здесь. Да, незавидна участь бросивших аспирантуру!

Саша не смог сдержать улыбки, а Лопаткин от души расхохотался над собственным афоризмом. Этот громкий смех показался Большакову неуместным: он вспомнил, чем торгуют внизу. Но затем он понял, что такой смех – часть Лопаткинской манеры вести беседу и быстро свыкся с этой его особенностью.

– Ну, какие у тебя вопросы? Задавай. Поддержу твое научное начинание, – Василь Васильич без всяких ненужных предисловий перешел на «ты» и положил кулак под свою трехцветную бороденку, насмешливо глядя Большакову прямо в глаза.

– Да вот хотел узнать, как вообще это происходит: вот приходят родственники погибшего, которые хотят заказать эти памятники – мы их кенотафами называем, с греческого...

– «Пустые могилы», это я в курсе, – кивнул Лопаткин.

– Да. Пустые, – подтвердил Большаков. – Когда они заказывают вот эти кенотафы, то сообщают вам, что планируют поставить их не на кладбище, а на обочине?

– По-разному. По-разному это бывает, молодой человек. Иногда говорят, а иногда и – нет. Догадаться, конечно, можно и без особых комментариев. К примеру, вот года два назад женщина приходила: «Мне, говорит, маленькую оградку надо и памятник небольшой, не как по стандарту». Я сразу смекнул, что, скорее всего, не на кладбище она его повезет.

– Почему?

– Была одно время мода небольшие кенотафы ставить. Или вот вазоны просто заказывают. Воткнут туда цветы искусственные, а на следующий год придут – сменят. Вот и вся недолга.

– А вот с вашей организации не помогают такие памятники ставить? Если попросят клиенты, например? – у Большакова горели глаза от любопытства.

– Глубоко копаешь, Александер! – Василь Васильич снова засмеялся. – Ну, что ж, скрывать не буду: иногда и наши ребята помогают отвезти и установить – за отдельную плату, конечно. Ну, это если родственники сами не могут – мужиков там нет или транспорта своего.

– А беседки не устанавливаете?

– А-а, понял, про что ты. Я тоже такие видел – целый мемцентр соорудят на обочине. Еще и стену из кирпича выложат. И венков повешают. Нет, мы этим не занимаемся – они, наверное, нанимают каких-нибудь других специалистов.

– А вот руль или какую-нибудь другую деталь машины к памятнику не просили прикрепить? – не унимался Сашка.

– Руль? – Лопаткин загоготал так, что Сашка вздрогнул: он не понимал, как в таком тщедушном теле могли скрываться столь выдающиеся способности к смеху. – Руль – это они сами, родственники делают. Ну, насмешил, ей-богу. Я так и представил: «И прикрутите мне, пожалуйста, руль!». А мы: «За ваши деньги – хоть бампер к дереву прибьем!».

Большаков округлил глаза:

– Вы тоже видели этот кенотаф? Там часть бампера поднялась вместе с деревом?

– Конечно, видел. Я там покатался, слава Богу, не один годок: у меня жена с тех мест. Я ведь эту семью знал, которые там навернулись: отец и сын погибли, а жена выжила – почти ни царапины. Прямо чудо какое-то. Она предприниматель сама – вот и соорудила мемориал, денег не пожалела.

– Они из Кирова были? – Большаков понял, что более подходящего собеседника на эту тему он вряд ли нашел бы – даже если бы исколесил всю Вятку вдоль и поперек.

– Нет, с Санчурска. Ехали с какой-то гулянки, дождь моросил – вот и приехали. Лоб в лоб, как говорится...

Они помолчали.

– Слушай, давай я лучше тебе историю мистическую расскажу про эти кенотафы. Хошь? – предложил хозяин каморки и зачем-то посмотрел на стену. Большаков кивнул.

– Но тут, брат, гляди в оба: я за достоверность не ручаюсь. За что купил – за то и продаю... Дело было лет пять назад где-то на границе с Йошкой. Там по этим дорогам лучше вообще не ездить: ухаб на ухабе, яма на колее. Разбились ровнехонько между селами две машины – уж я там подробностей не знаю, но то место отлично представляю. Холмик такой, и потом сразу поворот. Так вот: родственники погибших поставили два памятничка – один с одной стороны дороги, другой – с противоположной. В какую сторону ехали автомобили – с той обочины и поставили, поделили территорию, так сказать. И вот веришь ли... – тут у Большаковского собеседника затрезвонил сотовый.

Пока Лопаткин обстоятельно объяснял очередному клиенту подробности изготовления памятника, Саша начал бесцельно водить глазами по стенам каморки. На одной из них висела небольшая фотография молодого парня, почти мальчика. Поскольку ничего больше на стене не было, Большаков стал внимательно рассматривать портрет. В мальчишке было едва уловимое сходство с хозяином каморки, и Большакова это заинтересовало. Он вспомнил про Лопаткина только тогда, когда в комнате воцарилось гнетущее молчание.

– Ты знал, что ли, его? – спросил каким-то новым тоном Василь Васильич. Большаков отрицательно покачал головой. – Это сынок мой, ему тут всего пятнадцать. Сейчас, наверное, ровесник был бы твой... Так на чем я остановился? Ага. И вот поставили, значит, они эти кенотафы, как ты ни скажешь. И поверишь ли: стали на этом холмике, на повороте этом, люди разбиваться. Вот сезона не пройдет: то на мотоцикле ребята слетят (а там, за холмом, овраг дальше, да), то грузовик перевернется. И жена-то одного мужика – из погибших... Они ведь, забыл тебе сказать, на 8-е Марта за цветами в город торопились – вот и «отпраздновали», как говорится, мама не горюй. Жена-то эта через некоторое время один из памятников убрала. Приехала с братом и – выкопали. Вот такие пироги, Александер.

– Это зачем же – выкопали-то?

– А-а. Вот тут-то вся и закавыка: говорят, «закольцевали» они дорогу-

то! Понимаешь? Смотри сюда! – мужчина с трехцветной бородкой схватил со стола блокнот, взял в руки карандаш и двумя быстрыми движениями начертил параллельные линии. – Вот дорога. Затем она здесь изгибается, а тут – холмик этот, будь он не ладен. Один кенотаф поставили здесь, – Лопаткин ткнул в загогулину, изображавшую поворот, – а другой тут, на этой обочине. Одна машина ехала в эту сторону, а другая – в противоположную. И видишь, как получилось? Памятники эти «кольцо» образовали. Какое-то место нехорошее здесь получилось, участок с негативным прошлым. Понимаешь?

Большаков испытывал то самое чувство подъема и восторга, которое он пережил, слушая рассказ санчурского стошника о меняющихся лицах на фотографиях погибших.

– Нельзя, стало быть, памятники с двух сторон дороги устанавливать – да еще рядом с таким поворотом. Плохо это... – говорящий замолчал и, подперев рукой бороду, снова взглянул Сашке в глаза.

– Скажи мне, Александр Большаков, – сказал он вдруг строго, почти сурово, – ты ведь знал про Мишку моего, когда сюда шел?

Большаков, испуганный его тоном, покачал головой и невольно еще раз посмотрел на настенную фотографию.

– Я, если чем-то, если что-то не так...

– Да, ладно, это уж не важно, – устало махнул в его сторону Василь Васильич. – Мишка там и погиб, на этом долбанном холме. Я ему сам, своими руками памятник и соорудил. А про эту историю года два назад наши газетёнки местные писали. Перебрали, конечно, страшно, да я не в обиде... Может, ты и правда не знал. Ты сам-то, говоришь, откуда?

– С Ульяновска.

– Ага. Город Ленина, значит. Ну-ну. Извини, если я... Переживаю я об этом до сих пор так, что передать тебе не могу! – насмешливое лицо Лопаткина сморщилось и сразу постарело. Сашке стало так его жалко, что он почувствовал, как слезы невольно наворачиваются на глаза.

– Я не знал, честно слово! Простите... – сказал он и привстал с кресла, хотя уходить ему не хотелось.

– Да сиди-сиди, – мягко остановил его Василь Васильич. – Ведь я тебе еще не все рассказал. Чаю только вот давай организуем.

Лопаткин привстал и включил электрический чайник, который вскоре зашумел, как старый паровоз. Он опустил пакетик с черным чаем в чистую кружку и пододвинул к Большакову.

– Ты сам наливай кипятку – сколько обычно наливаешь. А то, знаешь, на всех ведь не угодишь: этому мало – до краев лей, а тому и половина – уже много.

Сашка не стал ждать повторного приглашения. Тут снова зазвонил

телефон – на этот раз стационарный. Лопаткин отвлекся на рабочие переговоры минут на десять. Большаков за это время с удовольствием почаявничал – в прикуску с конфетами, оказавшимися на столике гостеприимного хозяина каморки.

– Я скоро должен уехать, но дорассказать тебе успею, не беспокойся, – продолжил говорить Василь Васильич, как только положил трубку на прежнее место. – Про Мишку моего хочу тебе рассказать. Никому не рассказывал об этом, а тебе... Я ведь после этих газетных статей в людях разуверился. Но нельзя ведь все время таить в себе... чудо. Да-да, со мной, Саш, чудо случилось. Один раз в жизни, но бывает такое...

Миша оказался приемным сыном Лопаткина. Своих детей у них с женой не получилось, и «под старость лет» они решили воспитать чужого ребенка.

– Ведь и силы были, и жили в достатке. Вот Маша и говорит: «Ну, что, Вась, неужто для себя одних так всю жизнь и проживем? На что нам эта квартира и машина?». Черт бы побрал эту машину! – лицо Лопаткина исказилось, и он медленно провел ладонью от лба до бело-черно-рыжей бороды, – так, будто пытался убрать липкую паутину.

– Не связывайся с машинами, Саш! Если не сядил за руль, то я прошу – и не садись вовсе. Хуже убийц они... Вырастили мы Мишку-то. Шестилетнего взяли из детдома. Мы ведь до-олго приглядывались, раза четыре, наверное, ездили в детдом, «наблюдали», как говорила жена. А потом... Он, Миша-то, как подросток немного да освоился, нам потом сам всё рассказывал: «Как вошли вы, увидел вас в первый раз, так у меня вот здесь больно стало, – и на грудь показывает. – Понял, что за мной приехали. А за кем, говорит, вы еще могли приехать?».

И растили его, и любили. Знаешь, как его Маша любила? Сына родного, наверно, меньше любят. И парень-то золото было. Замкнутый, конечно, но добрый. Вот добрый – таких и не сыщешь: он, когда еще маленький был, мне всё говорил: «Папа, ты, если птичек увидишь на тротуаре – хлебушек они клюют, ты их, пожалуйста, не пугай. Обойди их стороной, чтобы не шугались они!».

Лопаткин схватил свою кружку и залпом, как пьют плохую водку, опрокинул в себя остывший чай. Большаков боялся пошевелиться, чтобы не прервать исповедь.

– Он о правах мечтал лет с десяти. Я его всё, дурак старый, баловал – сажал за руль, когда на дачу ездили. Там машин-то почти не было никогда встречных, а ему – за радость... А за Йошкар-Олой – у него подруга жила там, невеста его, Светой звали. Познакомились они в техникуме, дружили очень, да. Поехали в тот день к родителям ее... – Лопаткин прервал сам себя и схватил за руку Сашку. – Ты скажи мне,

Саша... Я вот тебя не знаю совсем, а душу свою наизнанку перед тобой выворачиваю. Ты скажи: выйдешь когда от меня, не засмеешься? За дверь когда выйдешь отсюда – не засмеешься?

Большаков до мучительной боли сжал ручки кресла и замотал головой.

– Ладно... Заржи ты хоть в полный голос – прямо за моей дверью, а я тебе все равно расскажу. Потому что не могу иначе. Вот когда разбились они, я уж тебе про это говорил: с той стороны в город ехали местные мужики – за цветами ездили к 8 Марта. А мой-то Мишка со Светой наоборот – в село направлялись. И когда поставил я ему памятник-то (похоронили мы его здесь, в городе), я ведь стал почти каждую неделю туда мотаться – к кенотафу этому. Вот на кладбище не тянет совсем, а туда – как медом намазано. Машу не возил, нет. Она у меня «невъездная» стала – после того, как сына схоронили, парализовало ее. Левая рука и нога совсем отказали...

Лопаткин помолчал. Затем он встал и, сняв с гвоздика в стене фотографию приемного сына, положил ее перед собой на стол.

– Вот копию этой фотки на памятник прикрутил. Выпендриваться не стал – индивидуальный заказ, и все такое. Самый простой соорудил, да. У себя, Саш, в своей конторе и заказывал – чё далеко ходить-то?..

Так вот: стал я такую штуку замечать, Александр. Съезжу к нему, привезу туда и сигаретки, и мандаринов – он их любил. «Новый год, пап, напоминают». Посижу, привет ему от мамки передам, поговорю с ним. И взгляну на фотографию-то, а он там – как пион красный цветет. Улыбается мой Мишка, будто живой. Я приеду и Маше рассказываю: так, мол, и так, привет передал, мандарины положил. А вот случится у меня на работе запарка, или с Машей плохо – ну, не вырваться, вот хоть в лепешку разбейся! Пропущу неделю, вторую, третью. Приеду туда – а он аж серый. Весь посереет с тоски-то...

Лопаткин вскочил со стула и бросился к вешалке, где висела его куртка. Как он ни пытался скрыть это, Большаков не мог не заметить крупные, как градины, слезы, бегущие по его щекам. Борода его вдруг утратила свое трехцветие и стала желтовато-серой, как мокрая марля.

Саша тоже накинул куртку, и они вместе вышли из каморки. Василь Васильич закрыл дверь на ключ и повернулся к стоявшему возле лестницы Большакову.

– Ты, Саш, иди, мне тут еще по работе надо кое-что...

Большаков сделал несколько шагов в его сторону и, протянув руку, попрощался. Когда он уже почти вышел из входной двери МУП «Ритуальные услуги», Большаков снова услышал голос Лопаткина.

– Ты хоть телефон, что ли, оставь свой! – хозяин каморки протянул

ему потертую записную книжку и карандаш.

Глава 8. Ночные переживания

Как потом говорил сам Большаков, та ночь в Кирове стоила ему, «по разным подсчетам», несколько миллионов нервных клеток. Он вернулся в квартиру, которую они сняли на двое суток, в пятом часу вечера. Сотовый у Леньки некоторое время «прозванивался», но трубку Филимонов по непонятным причинам не брал. К часам семи на все звонки Большакова начал отвечать равнодушный, но приятный женский голос, повторяющий, что «абонент отключен или находится вне зоны доступа сети».

Судя по тому, что их «девятки» во дворе не было, Ленька до сих пор колесил по городу. Однако когда совсем стемнело, Сашка всерьез забеспокоился. Он взялся за книгу, но в голову лезли всё такие глупые и тягостные мысли, что в конце концов Большаков сдался и отправился на улицу. Часы показывали уже одиннадцатый час вечера.

— Он — вполне взрослый человек, к тому же мужик. Чего мне за него переживать? — пытался успокоить себя Большаков, бесцельно шагая вперед по редко освещенным улицам спального района Вятки. Но смутный страх все сильнее разрастался в нем, пока не принял довольно-таки четкие очертания красного «фиата».

«А что если они «пасли» нас до самого Кирова, а затем улучили момент, когда мы разделились — и прихлопнули где-нибудь на окраине города бедного Филимонова? — пугал самого себя Большаков, подслеповато щурясь в сторону редких и темных фигур прохожих. — Что я скажу Лене, когда вернусь в Ульяновск? Да она из меня за своего «Якубовича» душу вытрясет — и будет права. Я и только я отвечаю за все это!».

Саша еще раз набрал номер Леньки, но в ответ услышал все тот же приятно-равнодушный женский голос.

«В любом случае далеко уходить нельзя, так как ключи от квартиры у меня, а запасных нет. Надо возвращаться!» — решил Большаков и поплелся назад. Вернувшись, он внимательно осмотрел весь двор и, не найдя знакомой «девятки», поднялся в квартиру. Когда он открывал дверь, сотовый подсказал ему, что наступила полночь.

Сашка включил свет, поставил чайник и начал ходить из угла в угол.

— Ну куда этот черт поперся в незнакомом городе?! — ругался он вполголоса. — Что мне — мормычки обзванивать? Точно — надо в полицию обратиться! Если он попал в ДТП, мне по номеру машины подскажут — должна же быть у них эта информация! Или же сразу в ГИБДД позвонить?

Так не работают они, наверное, в первом часу ночи-то...

В квартире был стационарный телефон. Прождав еще полчаса, он набрал «02». Голос на том конце провода глухо произнес: «Дежурная часть. Слушаю». Сашка, как мог, перескакивая с пятое на десятое, описал печальное положение, в котором оказался он и его друг.

– Семьдесят третий регион, значит? – уточнил голос и попросил подождать. Потекли тягостные секунды ожидания, затем полицейский произнес: «Ничего нет. По крайней мере, у нас ничего на этот номер автомашины нет. Подождите до утра – сам найдется, может быть!».

От последней фразы повеяло человеческим участием, и это немного успокоило Сашку.

«Да если б не этот «фиат» – я бы даже и не волновался. Ну, заехал куда-нибудь. Говорил же он, что бывал уже в Кирове – вот и затусовался где-нибудь. Утро вечера мудренее, однако!».

Большаков, не раздеваясь, улегся на диван и попробовал задремать. Уже в третьем часу ночи ему послышался звук пришедшей смски. Он подскочил, как будто только и ждал этого. Сообщение было от Филимонова.

«Я с «фиатчиками». Ул. Красноармейская, 2». Всё. Больше ни запятой. В ответ на Большаковский звонок – снова приторный голос, говорящий про недоступность абонента. Сашка совершенно не помнил, как выбежал на улицу и долго искал между уличных фонарей, у кого бы уточнить расположение Красноармейской. Затем он сообразил про такси, и минут 15 стоял на ближайшей автобусной остановке, коченея от страха за погубленную судьбу Ленки и жалея о собственной еще столь юной жизни.

О повторном звонке в полицию он не думал, главное было сейчас добраться до Красноармейской. Наконец, приехало такси, и Сашка забрался на переднее сиденье. Водитель попался не из разговорчивых и, когда Большаков назвал адрес, лишь промычал в ответ что-то неразборчивое. Глядя на мелькавшие за окном тусклые многоэтажки ночного Кирова, Сашка немного забылся и, как ни странно, успокоился.

– На Красноармейской – там сейчас круглосуточно, что ли? – пробудил его от оцепенения голос таксиста. Это был грузный мужчина лет сорока; говорил он с едва заметной леностью в голосе, которая, по наблюдениям Сашки, была характерна для всех таксистов.

– Что – круглосуточно? – спросил Большаков, к которому в мгновение ока вернулось прежнее эмоциональное напряжение.

– Да там, вроде, кафе или ресторан – на Красноармейской... – сказал водитель и широко зевнул. – А время-то уж четвертый час утра.

– Ресторан? – Сашка судорожно пытался собрать обрывки

предположений и мыслей в нечто единое. Он помолчал еще некоторое время и спросил:

– Далеко еще?

– Да через два перекрестка. Вас ждать там или как?

– Нет. Да. Нет, не надо! – пробормотал Большаков, который решил, что если они с Филимоновым в эту ночь останутся живы, то надо обязательно сходить в церковь – свечку в благодарность поставить.

Их автомобиль подъехал к одноэтажному зданию, по обе стороны которого возвышался небольшой решетчатый заборчик с затейливо мигающими светодиодными украшениями. Окна ресторана были затемнены. Кругом было тихо.

– Да там уж закрыли, наверно! У нас же тут не столица! – сказал таксист.

– Это точно второй дом? – спросил бледный Большаков. – Вы тогда подождите меня. Минут пять, не больше.

Таксист буркнул в ответ два или три слова – Саша расценил это как знак согласия. Подойдя к двери ресторана, он сразу понял, что заведение закрыто. Не зная, что делать, Большаков пару раз стукнул в дверь. На удивление быстро в затемненных дверях показалась чья-то фигура.

Разговор с охранником получился сумбурным, но главное Сашка все-таки понял: Филимонов здесь был и был не один.

– Они тут напились порядочно. И уехали. Вон «девятку» только оставили, по-моему! – охранник кивнул в сторону. И только тогда Большаков разглядел в мигающем освещении ресторана Ленькину машину. Он кивнул охраннику и почти бегом ринулся к автомобилю. Как и следовало ожидать, Филимонова там не было.

Первое, что сделал Большаков, когда проснулся – нащупал сотовый. Сообщений никаких, за Филимонова по-прежнему отвечал автоинформатор с нежным женским голосом.

Когда Сашка чистил зубы, он вспомнил, что уже в 12 часов дня их попросят освободить квартиру. Можно, конечно, было бы арендовать ее еще на сутки, но, во-первых, деньги на исходе, а во-вторых – по всем планам, они должны уже были на всех парах мчаться домой: отпуск не резиновый, растянуть его не получится.

«А что если Филимонова уж и в живых нет?» - щетка во рту невольно остановилась и Большаков сплюнул белую пену в раковину. Ему нестерпимо захотелось ругаться, и он почувствовал, что готов на самые отчаянные поступки – ездить по моргам, писать заявления в полицию, бродить по улицам Кирова и взывать к имени Филимонова

в надежде, что...

«Надо снова ехать к ресторану! – пришла к нему в голову спасительная мысль. – Если Ленька жив, он вернется к своей «девятке» даже в искалеченном состоянии...».

И в это самое мгновение оглушительно зазвенел домофон. Подняв трубку, Большаков со страхом услышал утробно-хриплый голос Филимонова. Он открыл входную дверь и стал ждать его возле лифта. Как показалось Сашке, терпким запахом чудовищного перегара запахло еще до того, как двери лифта распахнулись. Увидев опухшее, но просветленно улыбающееся лицо Филимонова, Сашка с нахмуренным видом последовал в квартиру. Ленька плелся сзади и был пьян настолько, что едва связывал слова друг с другом. Большаков, все также нахмуренный, ушел на кухню. Стаскивая с себя одежду, Филимонов слышал, как тот договаривался с хозяйкой квартиры о том, что они заплатят еще за одни сутки.

Затем везде наступила тишина, иногда прерываемая храпом Леньки, неспешными звуками проснувшегося Кирова и энергичными ударами о клавиатуру ноутбука Большакова.

Глава 9. Возвращение

С одной стороны, история про то, что же случилось в ресторане на Красноармейской, до сих пор имеет множество белых пятен. С другой – не прошло и нескольких дней, как она обросла такой бездной невероятных и таинственных деталей, что, когда Филимонов в очередной раз принимался описывать свою почти апокалиптическую встречу с «фиатчиками», Большаков иногда просто от него отмахивался.

– Ты даже не представляешь, какие это люди! Зо-ло-тые!.. - так начинался первоначальный Филимоновский рассказ. Но чем больше проходило времени, тем все более опасной представлялась сама эта встреча. Соответственно, менялась в устах рассказчика и оценка «фиатчиков».

Когда они уже были на полпути от дома, в описаниях Леньки появились обороты «сумел насилу уйти», «черт знает, что у них было на уме» и «ножи у них точно были, вот огнестрельного не видел – может, просто не заметил».

В итоге благодаря существенным интеллектуальным усилиям и большому опыту в деле реконструкции мифологических основ фольклорных текстов Большаков сумел составить верную (как он думал) картину произошедшего.

Скорее всего, «фиатчики» действительно следили за ними от Йошкар-

Олы до самого Кирова. Впрочем, не исключено, что они натолкнулись на Ленкин автомобиль уже в Вятке. Сейчас это уже было не столь важно. Подошли они к нему, когда Филимонов фотографировал фонтан в центре города.

– Ты б их видел: два здоровых татарина – кровь с молоком. Я сначала не понял, чё им вообще надо. «Разговор, говорят, есть». Ну, разговор – так разговор. Я поговорить всегда непрочь. А как увидел их красный «фиат» рядом с моей «девяточкой», так всё, думаю, не быть тебе отцом, Филимонов, похоронят под Вяткой в безымянной могиле!

Просто так беседовать они отказались – «слишком серьезный предмет для обсуждения».

– Это я тебе дословную цитату даю. Со ссылками на первоисточник, как ты любишь! – почти кричал воодушевленный своими воспоминаниями Ленька, держась за руль. Они решили на обратном пути не фотографировать кенотафы, поскольку уже совсем не осталось времени. Так что Филимонов придерживался своих обычных 100 км/ч, притормаживая только в населенных пунктах...

Итак, молодчики сели в «фиат», Филимонов – в свой автомобиль, и машины «гуськом» последовали к ближайшему заведению.

– Я сразу понял, что убивать не будут: иначе зачем же они позволили мне сесть за руль «девятки»? – говорил в первоначальной версии текста Ленька. Затем это место было отредактировано и заменено на следующую фразу: «Да я б все равно на своей «шушлаечке» от них не ушел – куда мне с фиатом тягаться? Вот они и говорят мне: «Садись, мол, поехали перекусим. Ибо серьезный предмет для разговора!».

В ресторане после двух-трех рюмок Ленька, по всей видимости, полностью утратил стеснение, свойственное малознакомым людям, и выложил, как мог, цели их «кенотафии».

– Я им говорю, – вот как ты, Сашка, тете Насте, помнишь, излагал? Вот и я: «Сохранить пытаемся ценное культурное наследие от посягательств государственной власти!». Ты бы видел, как они расцвели после этой моей фразы! Все-таки слова нужно правильно подбирать – тогда и выживешь в любой ситуации! – настоятельно рекомендовал Ленька Большакову.

Выяснилось, что загадочные преследователи к кенотафам имеют самое непосредственное отношение.

– Короче, люди это, понятно дело, не простые. Бандюги-не бандюги, но ребята очень серьезные. У них то ли родственник погиб в аварии, то ли их авторитет какой-то – где-то на границе с Ульяновской областью. Они ему не то что кенотаф – Ленинский мемцентр отгрохали! Кажись, Сашка, мы его фоткали, иначе как бы эти фиатчики нас засекли? И ты представляешь: они тоже в курсе, что убирать эти

памятники с обочин собрались!

По словам рассказчика, в связи с «перспективой ликвидации» таинственные собеседники Филимонова организовали чуть ли не круглосуточное дежурство возле своего кенотафа.

– Может, они фанатики какие-то – кто их знает. Мы, говорят, с оружием в руках готовы отстаивать память нашего товарища! Я вот припоминаю, они даже про какие-то «горячие точки» говорили – участник он, мол, какого-то конфликта, погибший-то этот. В общем, благородства в них этого бандитского – выше крыши. И вот как заметили-то они нас, фотографирующих памятники, – решили, что мы и есть главные враги всего благородного человечества. Дескать, сначала сфоткаем, а потом и ликвидируем!

Главное, что спасло друзей – то, что фиатчики по неведомой причине решили, что убраны будут не все памятники.

– Вот представляешь, какие фантазии в голове у людей могут роиться? – разводил руками Леньки, а потом снова хватался за руль, увидев летящую навстречу машину. – Им вдруг взбрело в голову – это уж, наверное, потом, после того, как эти олухи снесли нам дверь, – будто бы от нас, от того, как мы сфотографируем, как составим и опишем нашу «базу фотографий» (это их слова!) и будет зависеть в итоге, какой кенотаф снесут, а какой – оставят. Ну? Не олухи ли Царя Небесного? А?

Сначала Большаков, убаюканный мерным журчанием нескончаемого Ленькиного повествования, не придал этому эпизоду походов Филимонова должного значения. Смутные предположения о «чем-то большем» начали тревожить сердце Сашки, когда Филимонов, всегда щепетильно относящийся к расходам за дорожный «харч» и бензин, вдруг принялся сорить деньгами направо и налево.

– Всё, Большаков, баста! Назад поедем, как короли – шашлык отборный из баранины. Да и вообще – ну, эти забегаловки! Давай для обедов поприличнее места выбирать!

Когда же вместо обычной квартиры Ленька неожиданно начал настаивать на «хорошей гостинице» – и «чтобы класса «люкс» – не меньше!», – Большаков понял, что его предположения не беспочвенны.

Затем они сидели за ужином в снятой чебоксарской квартире (сопротивление Сашки против гостиницы было просто героическим), и Ленька провозгласил тост: «За последнюю ночь перед возвращением в родные пенаты!». После того, как они выпили по рюмке, Большаков сказал:

– А теперь выкладывай начистоту – где взял деньги?

– Ну, что значит – взял? – по-театральному обиделся Филимонов. – Я просто не стал отказываться! Ты бы видел этих парнишек – им попробуй отказать! К тому же – надо же как-то компенсировать и оторванную дверь, и вообще...

– И вообще?

– Ну, да: про своего мифического заказчика ты мне злостно наврал. От тебя денег я все равно не возьму. А тут – просто манна небесная. Компенсация за все наши страдания-мотания!

– Да какие страдания?! – Большаков встал и приоткрыл окно на кухне, где они сидели. – Я гляжу – ты так исстрадался, аж рожа лоснится. Жена скажет, что на курорте был!

Ленька налил еще по полрюмке.

– Ты хоть знаешь, что у бандитов брать деньги – себе дороже выйдет? Скажи точно, что они потребовали за них?

– Да в том и дело, что ничего. Просто ничего не нужно делать! В том смысле – чтобы их кенотаф так и остался на прежнем месте!

– Тьфу, блин! – Сашка вскочил и попросил у друга сигарет. Они вышли на балкон.

– Да что ты кипятишься, Большаков! Ну, откуда они узнают, что мы никак с этим не связаны? Останется их памятник на прежнем месте – никто его не тронет еще сто лет. А мы хоть как люди вернемся – машину отремонтируем, женам подарки купим! Ну? – Филимонов посмотрел в глаза другу.

Большаков молча курил. Затем уточнил, сколько именно дали денег. Узнав, что сумма совсем не такая большая, как можно было бы подумать по поведению Леньки, он немного успокоился.

– Машину смени. И номер лучше другой поставь на нее – для безопасности, – говорил Сашка другу, когда они уже лежали в зале на привычных местах: Филимонов на широкой кровати, Большаков – на узком диванчике. Почти во всех квартирах, которые они снимали, присутствовала именно такая мебельная композиция.

– Да посмотрим... – махал рукой в темноту квартиры беспечный Ленька.

Затем, когда Сашка уже почти заснул, он услышал, как заскрипела Филимоновская кровать. Раскрыв глаза, Большаков увидел, что Аркадьич сидит и смотрит в окно.

– Знаешь, что, Саш?

– Ну?

– А мне эта поездка понравилась! Ей-богу, если еще «кенотафить» будешь – зови! Душевно, получилось, правда?

Через несколько минут со стороны кровати Филимонова послышался привычный храп. Саша долго возился на жестком диване, и всё никак не мог заснуть. Затем он накинул рубаху и вышел на застекленный балкон. Их очередная квартира находилась на восьмом этаже. Окна выходили на широкую дорогу, за которой была видна узкая полоска какого-то парка. А за ним светился мерцающий ночными фонарями город.

Большаков закрыл глаза и перед его мысленным взором потянулись обочины бесконечных российских дорог, на которых то там, то сям проглядывали кресты и небольшие памятники.

«Господи, а сколько ведь еще тех, чье место гибели никак не обозначено! Ставят ведь кенотафы далеко не всем. Погиб человек, увезли на кладбище, а дальше – гибнут следующие. Иногда на тех же самых местах. Главное здесь – не «закольцевывать» дорогу, как говорил Василь Васильич. Как приедем в Ульяновск, надо помянуть их всех. Обязательно. Тех, чьи памятники мы сфотографировали, и тех, чьи кенотафы мы никогда не увидим...».

Почувствовав, что замерз, Саша притворил балконную дверь и забрался под одеяло на свой диван. В ту ночь ему снился какой-то сумбур: он видел тетю Настю, которая, улыбаясь, переходила вброд небольшую, но быструю речку. Затем снова жал руку Лопаткину, прощаясь на ступенях возле его кабинета.

А еще под самое утро ему привиделся большой необработанный камень, на котором висела прикрученная табличка. Рядом с валуном играли дети – их было человек десять. Большаков хотел во сне подойти к камню поближе, чтобы сфотографировать, что написано на табличке, но дети его не пускали.

– Ну его, этот камень! – смеялась одна из девчонок, у которой за спиной краснел школьный рюкзачок. – Пойдем, Саш, лучше с нами поиграем. Успеешь сфотографировать-то!

Большаков с девчонкой идти совсем не хотел, но детей было много, они все тянули к нему свои руки, и он не смог им отказать. Возле этого камня он так и проиграл с ними до самого утра.

